

Березович Е. Л. Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах : общий обзор / Е. Л. Березович, М. О. Леонтьева // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-9-28.

Berezovich, E. L., Leontyeva, M. O. (2021). Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: an Overview. *Nauchnyi dialog*, 6: 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-9-28. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-9-28

Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: общий обзор

Березович Елена Львовна

orcid.org/0000-0002-1688-2808

член-корреспондент

Российской академии наук
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
berezovich@yandex.ru

Леонтьева Мария Олеговна

orcid.org/0000-0002-8695-7617

лаборант-исследователь
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
marileonteva@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при поддержке гранта
РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация
и семантическая реконструкция
русской диалектной лексики»

Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: an Overview

Elena L. Berezovich

orcid.org/0000-0002-1688-2808

Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences
Doctor of Philology, Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
berezovich@yandex.ru

Maria O. Leontyeva

orcid.org/0000-0002-8695-7617

Research Assistant
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
marileonteva@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation, project
No. 20-18-00223 “Etymologization and
Semantic Reconstruction
of Russian Dialect Lexicon”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен семантико-мотивационный и этимологический анализ русских диалектных обозначений поясницы и поясничной боли. Материал извлечен из словарей русских говоров, из неопубликованных картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территориям Русского Севера и Верхнего Поволжья, а также фольклорно-этнографических источников, связанных с народной медициной. Рассматриваются основные семантико-мотивационные модели, лежащие в основе обозначений нижней части спины, в которых могут быть отражены представления о «топографии» этой части тела, соотносённости со смежными телесными областями, о функциях поясницы, о болевых симптомах. Отмечается, что в «поясничной» лексике основное место принадлежит названиям поясничной боли, обилие которых определяется характером земледельческого труда. Показано, что в нескольких названиях содержится указание на локализацию боли, но в большинстве случаев передается характер боли — режущий, колющий, ноющий и проч. Авторы анализируют языковой материал в комплексе с фольклорно-этнографическим: текстами заговоров, ритуал-диалогов, описаниями магических лечебных практик. Выявляются знаковые комплексы, внутри которых обозначения болевых симптомов проецируются на способы, средства и орудия лечения. В таких комплексах может реализовываться принцип этимологической магии, согласующийся с представлениями о «колдовском» происхождении болевых симптомов. Предлагаются мотивационно-этимологические решения для темных слов.

Ключевые слова:

русская диалектная лексика; соматизмы; названия болезней; семантико-мотивационная реконструкция; этимология; этнолингвистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The semantic-motivational and etymological analysis of the Russian dialectal designations of lumbar and lumbar pain is presented. The material was extracted from dictionaries of Russian dialects, from unpublished card files of the Ural University toponymic expedition to the territories of the Russian North and the Upper Volga region, as well as folklore and ethnographic sources related to folk medicine. The main semantic-motivational models underlying the designation of the lower back, which can reflect the idea of the “topography” of this part of the body, correlation with adjacent bodily areas, the functions of the lower back, and pain symptoms are considered. It is noted that in the “lumbar” vocabulary the main place belongs to the names of lumbar pain, the abundance of which is determined by the nature of agricultural labor. It has been shown that several names contain an indication of the localization of pain, but in most cases the nature of the pain is conveyed — cutting, stabbing, aching, etc. The authors analyze linguistic material in combination with folklore and ethnographic: texts of conspiracies, ritual dialogues, descriptions of magical healing practices. Sign complexes are identified, within which the designations of pain symptoms are projected onto methods, means and tools of treatment. In such complexes, the principle of etymological magic can be realized, consistent with the concept of the “witchcraft” origin of pain symptoms. Motivational and etymological solutions for dark words are proposed.

Key words:

Russian dialect vocabulary; somatisms; names of diseases; semantic and motivational reconstruction; etymology; ethnolinguistics.

УДК 811.161.1'37::[611.946+616-031.24]+811.161.1'282

Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: общий обзор

© Березович Е. Л., Леонтьева М. О., 2021

1. Вводные замечания

Наивная соматическая терминология, как известно, имеет развитую вариативность: ряд идеограмм получает множественное лексическое воплощение. Это свойство кажется парадоксальным для старейшей и базовой терминосистемы любого естественного языка, однако его наличие объясняется, во-первых, тем, что многие соматические значения экспрессивны, во-вторых (и это главное), тем, что семантическая система наивной анатомии, будучи асимметричной по отношению к смысловому пространству научной анатомической лексики, особо акцентирует те смыслы, которые важны для наивного сознания, поскольку выражают представления, к примеру, о болевых зонах человеческого тела, об участках, связанных с ношением определенных видов одежды, и проч. Если говорить о русской диалектной соматической лексике, то априорно можно предполагать, что одной из ее специфических черт является «отзывчивость» лексической системы на такой «запрос», как номинация частей тела, несущих наибольшую физическую нагрузку при крестьянском труде. В настоящей статье изучаются закономерности языковой концептуализации и категоризации представлений о нижней части спины и ее заболеваниях, которые отражаются в лексике русских говоров.

2. Обозначения нижней части спины в русских говорах: основные семантико-мотивационные модели

Нижняя часть спины получает огромную нагрузку при жатве, кошении, молотье, переноске тяжестей и проч. Боль в этом месте, сама по себе острая и неприятная, обращает на себя внимание также в связи с тем, что сковывает движения и приводит к утрате работоспособности. Типовые контексты, связанные с обозначениями поясницы, как правило, указывают на болезненные ощущения или на ограничения в подвижности: влг. *Вихлецо́ было больное, не повернёшься* [СГРС, т. 2, с. 120], костр. *Ревматизм замутил, пояс ломит* [Ганцовская, 2013, с. 313], арх. *На сгибу болько. Спина в сгибу болит* [СРНГ, т. 37, с. 16] и т. д.

Представления о нижней части спины в наивном сознании содержат различные варианты категоризации этой телесной зоны. Обычно номини-

руется поясница или крестец. В ряде случаев одна номинация объединяет оба эти значения: твер. *захря́стье* [СРНГ, т. 11, с. 166], костр. *крёсти* [ЛКТЭ], нижегор., влад., яросл., ворон., костр. *поперёк*, вост. *поперёк* [Даль, т. 3, с. 299; СРНГ, т. 29, с. 305] и др., ср. также показательный контекст из словаря В. И. Даля: *У меня поперек болит* [Даль, т. 3, с. 299]. Иногда 'поясница' объединяется со значением 'спина' (смол., брян., орл. *серёдина* [СРНГ, т. 37, с. 202]); в некоторых случаях объединяются значения 'заплечье' и 'поясница' (влад. *запáртки* [СРНГ, т. 10, с. 303]). Есть ситуации, когда дефиниция объединяет три и более переплетающихся смысловых компонентов, ср. определения, которые В. И. Даль дает слову *забедры* (без указ. м.) — 'заплечье, крестец, поясница' [Даль, т. 1, с. 567] и *заку́кры* (без указ. м.) — 'зад тела, забедры, спина, крестец и верхняя часть ляшек' [Там же, с. 607]. Такое объединение вызвано не только смежностью органов, но и их функциями: *закукры*, скажем, упоминаются практически только в контекстах, связанных с переноской каких-то грузов.

Таким образом, смысловая диффузность определяется тем, что провести четкую категоризацию «спинных» частей для наивного сознания не столь необходимо: важнее указать на функциональную или болезненную область. При этом локализация боли может быть довольно приблизительной: пояснично-крестцовое сплетение является частью нервной системы, имеющей большую пространственную протяженность, соответственно, патологические процессы затрагивают разные его составные части, см. подробнее в [БМЭ, т. 27, с. 16, 21]. Следует также отметить, что слово *спина* (и слова, обозначающие ее части), по классификации Н. Д. Арутюновой, относится к «топографическим единицам» или «пространствам» (ср. еще, к примеру, *щека*); такие «пространства» в рамках соматической лексики противопоставляются «функциональным деталям организма» (*палец, рука, хвост*) [Арутюнова, 1999, с. 16]. «Пространства» не имеют четких границ, поэтому для обозначающих слов закономерна подвижность в семантике (метонимия, сужение и расширение значения).

Наиболее часто обозначения получает *собственно поясница* — это, как подсказывает лексический материал, самая нужная для наивного сознания смысловая конкретизация. Слово *поясница*, являющееся производным от *пояс*, имеет внутреннюю форму «то, что опоясано», ср. выразительную трактовку Даля: 'природный перехват стана человеческого, поперечная полоса над крестцовой костью, по последним позвонкам, меж ребер и таза; по сему месту ложится пояс, опояска у мужчин' [Даль, т. 3, с. 389]. При этом *поясница* номинирует практически то же, что *талия* (для определения последней Даль тоже использует емкое и точное слово *перехват*), но смысловое разведение этих слов проходит по линии «*визуальное*» // «*физиоло-*

гическое»: талия акцентирует внимание на визуально воспринимаемой области *перехвата* (что особо значимо для пошива одежды), а *поясница* переводит наш взгляд вовнутрь, концентрируясь главным образом на этой зоне как локусе боли. Характерна поговорка, приводимая В. И. Далем: *С наше поживешь, узнаешь поясницу (которую ломит под старость)* [Даль, т. 3, с. 388]. Для примера приведем подряд контексты, которые даются в «Словаре вологодских говоров» к словам *поясіна* и *поясніка* ‘поясница’: влг. *Поясіна ноет — спасу нет, спина не разгибается; Устала, аж пояснины не чую; Не советую, робята, девок маленьких любить, целоваться — нагибаться, поясина заболит; Так бежала, что в поясину как вдарит, дак упала и не встать; У всех стариков, поди-ка, к погоде-то поясника болит* [СВГ, т. 8, с. 32]. Получается, что поясница становится «заметной» и номинативно значимой главным образом тогда, когда болит.

Какие *лексические средства* — помимо базового общенародного обозначения¹ — используются в говорах *для обозначения поясницы?*

Наш обзор не претендует на полноту, мы выделим лишь основные и наиболее характерные мотивационные линии.

Наиболее распространены номинации, в которых актуализирован признак *«топографии»* этой части тела. Лексическими средствами определяется положение поясницы по отношению ко всему телу: она трактуется как место «посередине» или «сзади», ср. смол., брян. орл. *серёдина*, брян., смол. *серёдинка* [СРНГ, т. 37, с. 202], арх. *зэдница* [АОС, т. 16, с. 271] etc. С указанием на «серединное» положение поясницы соотносится представление о «перекрестном» характере расположения этой телесной области (поясницы или крестца), которая «делит» тело пополам: это отражается в костр. *крёсти, кресты́* [ЛКТЭ], калин. *кресты́, кресты́* [СРНГ, т. 15, с. 235, 236], донск. *крэст*² [БТСДК, с. 241], перм. *хрестыё* [СПГ, т. 2, с. 512] ‘поясница; крестец’, нижегор., влад., яросл., вост., ворон., костр. *пóперёк, пóперёг, попáрок* [СРНГ, т. 29, с. 298], белгород. *перекрёсток, перекрёсток* ‘нижняя часть спины, крестец’ [ООСБ, с. 203].

1 В диалектной среде фиксируются также словообразовательные варианты общенародного слова: костр. *поясёнка*, новг., влг. *поясіна* [СРНГ, т. 31, с. 47], ворон., орл., тул., калуж., амур. *поясніка* [Там же, с. 48], etc.; отмечен и результат метонимического развития производящего слова — костр. *пояс* ‘поясница’ [Ганцовская, 2013, с. 313].

2 Данные наименования – диалектные варианты литер. *крестец* (от *крест*), однако, в некоторых случаях, вероятно, помимо характерного для диалектной фонетики чередования *к // х*, проявляется дополнительный признак характерного хруста костей в этом месте: твер. *захрястьё* ‘крестец, поясница’ [СРНГ, т. 11, с. 166], рязан. *хрестёц* ‘крестец’ [Деулино, с. 588], смол. *хрестки* ‘поясница’ [ССГ, т. 11, с. 71], костр. *хрестёц* ‘крестец’ [Ганцовская, 2018, т. 2, с. 188]; ср. также влг. *хресток, хресток* ‘позвонок’ [КСГРС].

Встречаются также обозначения поясницы (крестца) через указание на соотношенность со смежными телесными областями: *зábédры* ‘поясница’ [СРНГ, т. 9, с. 250], пск., твер. *подхребéток* ‘крестец’ [СРНГ, т. 28, с. 243], твер. *захря́щевица* ‘крестец, поясница’ [СРНГ, т. 11, с. 167] и др.

Сходны в номинативном отношении случаи метонимического переноса с названий смежных областей: краснояр. *карóк* ‘поясница’ [СРГЦК, т. 2, с. 181] — ср. смол. *корóк* ‘бедро’ [СРНГ, т. 14, с. 359]; арх. *крьíльце* ‘поясница’ — ср. диал. шир. распр. *крьíльца* ‘заплечье’ [СРНГ, т. 15, с. 346] etc. Метонимия может быть основана также на переносе с названий позвоночника: влг. *хрепéт* ‘поясница’ [КСГРС] — ср. общенародное *хребет*. Для тобол., свердл., оренб. *разбóр* ‘поясница’ [СРНГ, т. 33, с. 268] можно допустить первичное значение ‘позвоночник’, поскольку последний мыслится как состоящий из «разбираемых» звеньев¹, (вообще, для лексемы *разбор* семантика позвоночника тоже фиксируется, но значения могут даваться в словарях не в должной последовательности: так, в [СРГСУ, т. 7, с. 52] ‘позвоночник’ отмечен после значения ‘поясница’).

Ряд «топографических» наименований поясницы унаследовала от обозначений частей спины животных. Так, тюмен. *хóлка* ‘поясница’ [СРГЮТО, т. 2, с. 347]² появилось, вероятно, в результате расширения значения общенар. *холка* ‘возвышение, горбик при переходе шеи животного (лошади, быка и др.) в хребет’. Перм. *рэпица* [СПГ, т. 2, с. 289], костр. *рúпица* ‘поясница’ [ЛКТЭ] могли развиваться из общенар. *рэпица* ‘хвостовая часть позвоночника животных, покрытая шерстью’, ‘основание хвоста животного’, ср. также иркут., бурят., пск. *сурéпица* ‘основание у хвоста лошади; поясница’ [СРНГ, т. 42, с. 276], р. Урал *рэпис* ‘кончик хвоста коровы’ [СРНГ, т. 35, с. 69] и др. Еще один случай реализации модели ‘нижняя часть спины животного’ > ‘нижняя часть спины человека’ иллюстрируют вятск. *хлúб*, *хлúп* ‘поясница’ (а также смол. *хлубéц* ‘крестец’) [СРНГ, т. 50, с. 257]. Эти слова вторичны по отношению к *хлúп*, *хлúль* (без указ. м.) ‘кончик крестца у птицы, хвостец’ [Даль, т. 4, с. 1193] (а также *хлúп* южн. сиб. ‘грудная кость птицы’, влг. ‘очищенная тушка рябчика’, твер., дон., брянск. ‘тушка птицы без конечностей, шеи и головы’ [СРНГ, т. 50, с. 261] и др.), которые относятся к гнезду экспрессивного глагола звукоподражательного происхождения **xlupati* [ЭССЯ, т. 8, с. 39, 40].

1 Такая внутренняя форма особенно ожидаема при номинировании скелетов животных и рыб, которые «обозримы» для человека, ср., к примеру, влг. *чётка* ‘позвоночник рыбы’, ‘позвонок’ [КСГРС] при *чётки* ‘шнурок с бусинами или узелками’, этимологически связанном с *чёт*, *считать* (последнее семантически сходно с *перебирать*).

2 Ср. также другие «человеческие» соматические значения этого слова, например, севернорус., урал., сиб. *хóлка* ‘часть ноги человека от таза до коленного сгиба; ляжка, бедро’ [СРНГ, т. 51, с. 162—164].

Еще один блок мотивационных признаков отражает представление о «**функционале**» поясницы. «Перекрестное» расположение пояснично-крестцового отдела позвоночника обеспечивает подвижность туловища (эта особенность отражается в влг. *вихлѣцъ*, *вихлецо* [СГРС, т. 2, с. 120], перм. *вихлѣк* [СРГСПермК, т. 1, с. 243], влг. *вѣхлеть* ‘поясница’, ярosl., влг., свердл., арх. *вихлѣцъ* ‘копчик’ [СРНГ, т. 4, с. 304], и др.), а также обеспечивает возможность наклоняться, ср. название поясницы арх. *сгѣб* [СРНГ, т. 37, с. 16].

3. Лексика «поясничной боли»

Если названные выше признаки отражают объективные свойства поясницы, то признак боли является объективно-субъективным, а потому его воплощение наиболее интересно в плане лингвопрагматики. Как уже говорилось, мотивационная сторона ряда обозначений поясницы связана с характерными болезненными ощущениями в этой телесной области. Эти наименования есть смысл рассматривать в комплексе со всей «**лексикой поясничной боли**» (связанной с болевыми симптомами, способами лечения и др.); такое рассмотрение определяется самой логикой наивной категоризации. Нужно отметить, что эта смысловая зона хорошо разработана в диалектной системе — и шире, в знаковом языке народной культуры. Так, в словаре «Славянские древности» описаны многие способы лечения поясницы, говорящие о сформированности «болевого портрета» этой части тела, а также «методик» избавления от этой боли, ср. [СД, т. 1, с. 220, 310, 403; т. 2, с. 125, с. 194, 195, 321, 553, 652; т. 3, с. 122, 215, 219, 434, 493, 554, 624; т. 4, с. 17, 161; т. 5, с. 98, 645].

Сразу стоит обратить внимание на то, что народные приемы лечения поясничной боли нередко основаны на *магии*, в том числе *языковой*. Приведем некоторые примеры. Так, в Белоруссии и в Боснии для снятия боли в пояснице расстилают на земле пояс, перегоняют через него увиденную весной первую ящерицу, а затем подпоясываются им [СД, т. 5, с. 645]. Магическое взаимодействие слов *поясница* и *пояс* лежит также в основе жатвенного обычая, зафиксированного в Белозерье: жницы обязывались жгутом из колосьев как поясом, обращались непосредственно к пояснице и просили: «У Овдоты у рабы да поясинка не боли! Во веки веков. Аминь!» [Усачева, 2006, с. 310]. Магические практики могут основываться также на других лексических стимулах: к примеру, южные славяне в праздник Воздвижения Креста Господня постятся, чтоб предотвратить боли в пояснице: этот обычай основан на взаимодействии омонимичных болг. *крѣст* ‘крест’ и ‘поясница’ [СД, т. 1, с. 401; т. 2, с. 652]. В этот языковой ряд включается и другое однокоренное слово — болг. *крѣстец* ‘сноп’, ср. магический при-

говор: «Кръстец кръст да боли, нас да не ни боли» <Пусть поясница болит (у снопа), а у нас не болит> [Усачева, 2006, с. 310]. Возможно, сюда стоит отнести еще один пример: в Пермской губернии от боли в пояснице пили отвар из растения *христовы ребра* ‘василек скабиозовидный’ [Колосова, 2009, с. 154]; думается, здесь сказывается притяжение к слову *крестец* (в русских говорах часто *хрест, хрестец* etc.).

О хорошей включенности представлений о поясничной боли в концептуальный мир мифопоэтической традиции славян говорит и тот факт, что лечебные «поясничные» ритуалы соотносятся с метеорологической магией, свидетельствующей об их исключительной древности: так, во многих зонах славянского мира следовало при первом ударе грома перекатываться по земле, чтоб при жатве не болела поясница [СД, т. 1, с. 560]; ср. также практически повсеместно распространенную примету, согласно которой ломота в пояснице является предвестницей плохой погоды.

Использование магических практик во многом определяется тем, что поясничная боль — вследствие своей остроты и внезапности — может трактоваться как «насланная» нечистой силой, появившаяся вследствие сглаза и проч., ср. череп. *доспешка, доспелось* ‘о болезнях, наступающих внезапно’: «Все эти случаи приписываются участию нечистой силы. <...> сразу отялась поясница, например, ревматизм поясничных мышц, — окружающие решают: “Это ему доспелось”, а в уме про себя прибавляют: “от нечистого”» [Герасимов, 1910, с. 35]. О «нечистом» происхождении поясничной боли говорит и тот факт, что этот вид боли — среди прочих — может получать наименование *прытка*, ср. иркут. заговор «От поясницы»: «Магушка заря-зарница, красная девица, мать сыра земля, сними с меня, с рабы Божьей, прытку стрешну, поперешну, дённу, полудённу, ношну, полуношну» [РКОФСДВ, с. 456, № 707]; сев.-рус., ср.-рус., сиб. *прытка* (*прытка*) означает именно внезапную болезнь, вызванную колдовством, сглазом [СРНГ, вып. 32, с. 16—17]; ср. также далее о слове *хомут* etc.

Рассмотрим *русские диалектные обозначения поясничной боли*. Так же, как в случае с названиями поясницы, мы не ставим своей задачей дать исчерпывающий перечень этой лексики. Нам важно выяснить основные мотивационные модели и установить логику языковой концептуализации представлений о лечении поясницы.

Прозрачны в мотивационном отношении слова, содержащие указание на *локализацию боли*: р. Урал *поясница*, ворон. *поясничник* ‘боль в пояснице’ [СРНГ, т. 31, с. 48]. Учитывая наличие таких названий, можно предложить интерпретацию темного перм. *хомич* ‘радикулит’: *Сейчас радикулит, а раньше-то хомич звали; а лечили-то его раньше — топором рубили. Вот мама болела хомичом: легла она на порог, животом легла, ей*

востриём-то тихонько рубят. Соседка пришла: чё рубишь? — Хомич. — Руби пуще, чтобы век не было. Рубили-то не взаболь, а нарочно, не по настоящему [СПГ, т. 2, с. 509]. В этом названии прослеживаются следы эвфемизации, поскольку оно оформлено как имя собственное (ср. патронимический суффикс *-ич*); семантика слова (обозначение сильного болевого синдрома, который лечится магическими приемами) тоже «играет» на эту версию. Чтобы понять, каково значение корневого *хом-*, следует привлечь близкое по семантике смол. *хомя́к* ‘нижний позвонок’: *Хомяк ломит* [ССГ, т. 11, с. 68; СРНГ, т. 51, с. 264]. Это слово, по всей видимости, следует генетически отождествить с омонимичным влг. *хомя́к* ‘небольшая возвышенность, бугорок’ [СРНГ, т. 51, с. 264] (ср. также новосиб. *хомя́к* ‘основа сохи или плуга, к которой крепятся сошник, ручки’ [Там же]) и рассматривать в кругу других лексем с корневым *хом-*, которые обозначают разного рода возвышенности, бугры, наросты, опухоли, вздутия и проч., являясь закономерным для диалектной фонетики следствием упрощения исходного *холм*, ср. арх., влг., *хóм*, арх. *хомáн* ‘кочка’ [КСГРС], сев.-двин. *хом*, влг. *хомóк* ‘холм, бугор’, нижегор. *хом*, влг. *хомíна*, *хомóчек* ‘бугорок, шишка, кочка’, влг. *хомáк* ‘опухоль, шишка’, пск. *хомолóк* ‘верхушка чего-л.’, вят. *хомяки́* ‘расстроенные регулы’ etc. [СРНГ, т. 51, с. 246—247]. Если рассматриваемый соматизм *хомя́к* этимологически связан с этими словами, то в качестве мотивационного признака следует признать свойство округлости и выпуклости нижнего позвонка. Название радикулита *хомич* производно, по всей видимости, от *хом* в значении ‘позвонок’ или ‘вздутие’.

В основной массе названий передается *характер боли*. Боль в пояснице, как правило, ощущается как «режущая», «подобная забиваемому гвоздю», «секущая», «стреляющая», «колющая», «грызущая», «ломающая»: пск. *как гвоздь, вбитый в пояснице* [СПШП, с. 92], тобол. *как ножом (ножами)* [СРНГ, т. 27, с. 87], новг. *пострёл* [СРНГ, т. 30, с. 237], смол. *коляница* [СРНГ, т. 14, с. 223], новг. *гры́жа* [СРНГ, т. 7, с. 74], ирк. *секу́н* [СРНГ, т. 37, с. 128] — ср. костр., ряз. *сéчь* ‘болеть (о частях тела)’ [Там же, с. 254], арх. *ломáчко ломает: В поле нажнёшь, дак так ломачко ломает — и не разогнёшься* [СГРС, т. 7, с. 126], новг. *костоло́мище* [СРНГ, т. 15, с. 78]¹ etc. Сразу стоит отметить, что названия симптомов такого рода могут проецироваться (по законам этимологической магии, которые упоминались выше) на обозначения способов лечения болезни, ср., к примеру, байк. *колóтья*, которые в целях излечения надо *прикальвать: А спина, ми-*

1 Лексические единицы из этого списка обозначают острую боль в пояснице, симптомы радикулита или ревматизма (в последнем случае, разумеется, речь идет не только о пояснице, но в номинативном плане эта лексика «ведет себя» так же, как «радикулитная»).

лая, болит, это **колотья**. Я крестиком прикалываю. Причитаешь вот так и прикалываешь. В пояснице, бывает, **колет**, поясницу **колет** или в лопатке **колет**. Вот берёшь крестик, прочитаешь молитву и говоришь: “**Колотья, колотья**, Идите на зелёные болотья, На пески сыпучие, На леса дремучие Из раба такого-то, Из костей, Из мошшей, Из красной крови, С жёлтой кости, Из синего мяса...” Вот **приколешь**, три разочки **прикалываешь**. Раз приговоришь, потом второй раз, потом третий раз. Обдуешь спину, **приколешь**. Так обдуешь её. Это **колотья**, тоже сглаз бывает [СГРСБС, т. 4, с. 141—142]. Аналогично лечится *усовь* (колючая) — ‘колотье в пояснице и в боках’ (костр.): Возьму я спицу железную, Востреё у спицы медное, Пойду усовь колоть. “Усовь, ты усовь колючая, Ты меня колешь раз, я тебя — два; Ты меня — два, я тебя — три <...> Приговаривая эти слова, покалывают больное место каким-либо острым орудием, лучше всего “громовой стрелкой” [Виноградов, 1908, с. 74—75].

Орудия «прикалывания» могут быть разными: например, спица, спичка, веретено. Так, в Курской губернии отмечен заговор, произнесение которого сопровождается надавливанием веретена на больное место: *Ты колотисча, Ты ламотисча, Выди ты на эта виритёнисча* [Халанский, 1904, с. 115]. Отметим, что ряд *колотья* / *усовь колючая* (название болезни) — *колоть* (обозначение характера боли) — *прикалывать* (название способа лечения) может быть на междиалектном уровне дополнен словом *кол*, обозначающим внешний симптом болезни (ср. селигер. *поставить спину колом* ‘о приступе радикулита’: *Женя, у меня что-то спину колом поставило — поостыла, небось* [Селигер, вып. 3, с. 71]), а также лексемой *колотик*, называющей средство лечения (яросл. *колóтик* ‘пресноводная губка, бодяга (употребляется в народной медицине как средство от болей в пояснице и т. п.)’ [ЯОС, т. 5, с. 53]¹).

С учетом прозрачных отношений в гнезде *кол*- можно проанализировать еще одно слово, совмещающее в своей семантике указание на характер боли (оно является первичным в мотивационном плане) и на способ лечения (это дает вторичные коннотативные смыслы): р. Урал *тяпóк* ‘болезнь поясницы’: *Тяпок — болезнь, вот в спину ударит, называется чемир* [Малеча, т. 4, с. 294]. Это слово производно от простореч. *тяпать* ‘рубить, сечь, ударять топором, ножом’, брян., печор. ‘ставить топором зарубки, насечки’ [СРНГ, т. 46, с. 94] и т. п., ср. также яросл., костр., иван., одесск., калин. *тяпóк* ‘один удар топором или ножом по предмету, который нужно

1 М. К. Герасимов то же самое определяет так: новг. *колотик* — ‘слизь, оседающая на древесных сучьях и вообще на всяких предметах, находящихся долгое время в реке под водою; по словам употреблявших эту слизь, вскоре после втирания обнаруживается сильное покалывание в нагретых частях тела’ [Герасимов, 1898, с. 170].

разрубить или разрезать' [Там же, с. 99]. Таким образом, первичная семантика здесь — «то, что болит колющей болью, “тяпает”»; в качестве семантической параллели можно привести один из глаголов, обозначающих боль в пояснице и сопоставляющих ее с ударом топора: новг. *ты́кнуть* ‘ударить, кольнуть (об острой, внезапной боли)’: *Его в поясницу тыкнуло* [СРНГ, т. 46, с. 18]. Эта первичная семантика проецируется во вторичную, отражающую народный способ лечения, основанный на симпатической магии: *Лечили раньше тяпок так: клали на порог вверх спиной, на позвоночник клали дощечку в четверть и били по ней топором с молитвой* (р. Урал) [Малеча, т. 4, с. 294]. Эта проекция имеет лексическое закрепление, поскольку слова *тяпок*, *тяпка* означают, помимо прочего, орудия с режущим действием, ср. литер. *тя́пка* ‘ручное орудие для окучивания, прополки картофеля и некоторых других культур’, ‘сечка для рубки капусты, мяса и т. п.’, новосиб. *тяпо́к* ‘тяпка, мотыга’, р. Урал ‘сечка для рубки капусты’, волгогр., ворон. ‘било цепа’ и др. [СРНГ, т. 46, с. 99]. Сказанное помогает проинтерпретировать саратов. *типун* ‘боль в пояснице’ (не отмеченное, к сожалению, диалектными словарями), которое выступает в таком же «лечебном» контексте, как и *тяпок*: — *Что, бабушка, рубишь? — Рублю типун. — Руби хорошенько* [Минх, 1890, с. 55]. Вероятно, *типун* < **тяпун* (это достоверно, если учесть безударную позицию и диалектную фонетику саратовских говоров), а это тоже закономерная форма от *тяпать*. Кажется, нет оснований этимологически идентифицировать это слово с литер. *типун*, имеющим иное происхождение (об этом подробнее см. в [Березович, 2007, с. 305—306]), хотя вторичное притяжение здесь могло быть.

«Колющие» и «тяпающие» лексемы в мотивационном отношении ясны — и будут очень важны для нас в последующих рассуждениях, поскольку сыграют роль источника семантико-мотивационных параллелей.

Боль в пояснице может трактоваться не только как режущая, но и как ноющая, длительная: ворон. *неустані́ха* [СРНГ, т. 21, с. 198]; ср. также карел. *волком выть* ‘сильно ныть, болеть’: *Нагибаться не могу, волком воет поясница* [СРГК, т. 1, с. 306], прибайк. *Болею сёдня шибко, поясница ноет, как чёрна собака живёт там, всё говоренье отнялось* [ФСРГПриб, с. 47].

С восприятием болевых симптомов связано, по всей видимости, и новг. *уём* ‘боль в пояснице’: *Уём в поясницы, не сунуться, не разогнуть* [НОС, с. 1223]. Возможно, это слово имеет внутреннюю форму «то, что “унимает” (движения), сковывает, “схватывает”», ср. арх., яросл., смол. *уём* ‘сдерживание, унимание кого-л., чего-л.’, яросл. *уёму нетутки* ‘невозможно сдерживать движения кого-л.’: *Наша лошадь до того бежкая, что, скажи, просто уёму нетутки* [СРНГ, т. 46, с. 323]. Менее вероятное прочтение внутренней формы этого слова — «то, что нуждается в унятии».

Восприятие боли в пояснице как «схватывающей» отражено во многих контекстах, ср., к примеру, иван. *Поясница-то у меня болела хватчее, чем сердце* [СРНГ, т. 50, с. 60], арх. *Утін <боль в пояснице> прихватил, немножко согнулся* [КСГРС].

Представления о сковывающем характере поясничной боли отражены и в вят. *хомут* ‘болезнь поясницы как бы от натянутого на нее обруча. На-саживается болезнь эта людям из злобы людми же’ [Магницкий, 1883, с. 28, № 213]. Здесь перед нами не просто метафора по способу действия: в народной культуре славян хомут, как известно, обладает богатой символикой, при этом «у русских “надевание хомута” известно как вредоносная деятельность ведьмы, колдуна; *надеть / посадить хомут / хомутец* ‘сглазить, наслать болезнь’ (вят., перм., урал., в.-сиб.); *хомут, хомутец, хомуток (удавка)* (сиб., забайк.) — вид порчи, сопровождаемой появлением опухолей, красной полосы вокруг живота или гениталий <...>. Ведьма *хомутинница, хомутница* (в.-сиб.) насылает болезнь, увечье, тоску, “надевает хомут” на предметы — печь не топится, ружье не стреляет, овощи портятся» [СД, 5, с. 456]. Таким образом, эта номинация является еще одним свидетельством того, что поясничная боль имеет, по народным представлениям, колдовское происхождение.

Характер боли, по-видимому, является мотивирующим для новг. *полевóй опóр* ‘боль в спине в результате полевых работ’ [Герасимов, 1898, с. 62], ср. также влг. *опóр* ‘боль в руке или ноге’ [СРНГ, т. 23, с. 279]. «Опорное» слово *опор* имеет корень *nur-* // *ner-* // *nor-* // *nr-* (ср. праслав. **perti*, **prьr* [Фасмер, т. 3, с. 240—241, 355]), при этом в соответствующем гнезде отмечается, среди прочего, семантика нажима, надавливания, толкания, напряжения, усилия, «распираания»; особенно важно, что такая семантика наблюдается у продолжений приставочного глагола **obperti*, к числу которых принадлежит собственно слово *опор* [ЭССЯ, т. 28, с. 185—186]¹. Этот смысловый субстрат, конечно, может продуцировать семантику болевого симптома. Определение *полевой* интересно тем, что указывает на «ситуационный фон» боли в спине, то есть на физическую работу в поле. Очень важно и показательно, что так же, как в случае с *тяпком*, наименование болезненных ощущений оказывается неразрывно связанным с обозначением «орудия» лечения, которым становится подпорка (кол) в заборе, ср. выдержку из знаменитой работы историка медицины Г. И. Попова: «Из неодушевленных предметов иногда имеют способность *снимать болезнь* простые **подпорки** (выделено нами. — *Е. Б., М. Л.*), стоящие около за-

1 Характерны также слова с приставкой *у-*, семантически наиболее близкие лексике с приставкой *о-* (литер. *упорный* и др. лексические единицы со значением натуги, напряжения etc. [СРНГ, т. 47, с. 275]).

боров и домов. Для этого при поясничной боли больному следует только потереться об них обнаженной поясницей. В тех случаях, когда эта боль носит название *опор*, на нее хорошее действие, очевидно, по созвучию, оказывает дверной запор. Больному надо встать раньше всех, взять этот запор и, потирая им больную поясницу, приговаривать: “Запор ты, запор, возьми с меня опор” (Кадник. у. Волог. г.)» [Попов, 1903, с. 212]. Добавим, что использование запора в целях магического излечения вызвано также, вероятно, его способностью *запирать* боль, ср. отношения аттракции в лексическом ряду *опор* — *подпорка* — *запор*.

Мотивация «полевой болезни» просматривается и в костр., олон. *ужин* ‘болезнь радикулит’, ср. также костр. *ужин схватит* ‘наступит, одолеет приступ радикулита’ [СРНГ, т. 46, с. 337—338]. К олонекской фиксации слова дается такое пояснение: «Ломота спины, поясницы; называется так потому, что чаще всего случается у женщин в период жнитва, от тяжелой работы» [Там же, с. 338]. Слово производно от глагола *жать*, эта же словообразовательная модель представлена в юж.-рус., ср.-рус., сиб. *ужин* ‘количество сжатого хлеба, урожай’ [Там же, с. 337]; ср. с аналогичным словообразованием *зажин*, *пережин*, *отжинки* и проч., отсюда внутренняя форма — «то, что происходит в результате жатвы». Реконструированную внутреннюю форму поддерживает также калуж. *ужин-трава*: *Ужин-трава растет под орешником по перелогам — от земли видно, что яичный желток. Она полезна от зубной болезни, или у кого пуп болит* [Там же, с. 338]. «Жатвенная» мотивация здесь поддерживается указанием на «боль в пупе», которая чаще всего в народе трактуется как следствие «надсады» при жатве. Есть только один момент, который смущает нас при рассуждениях о слове *ужин*: дело в том, что это слово обладает большим внешним сходством с лексемой *утин*, которая является самым популярным обозначением боли в пояснице в русских говорах, см. [СРНГ, т. 48, с. 158]; более того, *ж* и *т* можно спутать графически. Все это заставляет подозревать, что форма *ужин* может быть результатом графической ошибки. Однако эта форма фиксируется на разных территориях, обладает словообразовательной и семантической достоверностью, что позволяет все-таки предпочесть версию о ее объективном существовании.

С некоторыми из приведенных обозначений боли в пояснице в мотивационном отношении напрямую соотносятся названия самой этой телесной области. Так, названия *полевой опор* и *ужин*, в которых акцентируется причина боли — физическая нагрузка во время полевых работ, могут способствовать пониманию происхождения дон. *орбвое* (*орёвое*, *орлбвое*) *место* ‘поясница’: *Кагда прастужаисси, то аровая места колить* [БТСДК, с. 340; СРНГ, т. 23, с. 344, 345]. Это темное наименование (к тому же пред-

ставляющее собой, вероятно, гапакс). Тем не менее в качестве производящего можно предполагать диал. шир. распр. *orátʹ* ‘пахать; боронить; рыть землю’ [СРНГ, т. 23, с. 329], в этом случае сочетание *оровое место* мотивировано признаком болезненности при пахоте. Семантически это вполне оправдано, но смущает, что отглагольное прилагательное **оровой* не фиксируется вне этого сочетания (хотя оно вполне вероятно, ср. многократно отмечаемые в говорах формы типа *оромый, орамый, оральный* и проч.). Что касается вариантов *орёвый* и *орловый*, то они могли появиться в результате дестимологизации, хотя для формы *орловый* возможна производность от слов с *-л-* (из этого же гнезда) типа пск., твер. *орёл* ‘пахарь’ [СРНГ, т. 23, с. 334].

Отдельно следует выделить редкие случаи *заимствования*. Это, в-первых, приамур. *кя́н* ‘радикулит’ [СРГП, с. 140], которое является заимствованием из бурят. *хуя́н(э)* ‘онемение, одеревенение (рук или ног), невралгия’ ~ монг. *хуя́н* ‘ломота в суставах’ и др. [Аникин ЭСС, с. 341]. Во-вторых, олон. *ра́йна́туса* ‘ломота в пояснице’ [Куликовский, с. 99], прионеж. *ра́йна́йду́кса* ‘поясница’ [СРГК, т. 5, с. 439]. Источником олонецкого слова, согласно М. Фасмеру (ссылающемуся на Я. Калиму), служит люд. *raipaiitta* (от инф. *raipaidau* ‘заболеть’ или отглагольного существительного на *-us*) [Фасмер, т. 3, с. 437]. С. А. Мызников расширяет круг сопоставлений, приводя также ливв. *raipata* ‘схватить (о болях в пояснице), *raippavus* ‘прострел, боли в пояснице’ («Прострел режут на трех порогах — больной ложится животом на порог три раза, и знахарь каждый раз проводит, режет топором по больному месту поясницы»), карел. твер. *raipata* ‘прихватить, схватить (о внезапной боли в пояснице)’ и др. [РДЭС, с. 653—654]. Значение ‘поясница’, по всей видимости, вторично по отношению к «болевому» [Там же, с. 654].

4. Выводы

Как видим, народные названия собственно поясницы как «телесного пространства» в большинстве своем тривиальны и метонимически перенесены с названий других частей тела. Это объяснимо: поясница является внутренней телесной границей, поэтому здесь важны именно номинации, указывающие на ее относительное расположение. Наиболее интересны в мотивационном и этнолингвистическом плане обозначения не столько самой поясницы, сколько поясничной боли, особенно выделенной в народной языковой картине мира (как в ее обыденном варианте, так и мифопоэтическом), в которой видное место занимают «переживания», связанные с практикой земледельческого труда. Характерно, что названия поясничной боли могут образовывать неразрывные комплексы с обозначениями самой

части тела, где локализуются симптомы, а также способов и средств лечения. В таких символических комплексах может реализовываться принцип этимологической магии, согласующийся с представлениями о «колдовском» происхождении болевых симптомов. Это можно увидеть на двух наиболее «развернутых» примерах, называющих слова, в семантическом и символическом пространстве которых указанные закономерности проявляются наиболее ярко. Речь идет о диалектизмах *ути́н* и *chéмер*: оба слова многозначны, но в своей смысловой парадигме имеют значение ‘бол в пояснице’; эти лексемы (а также их дериваты) могут обозначать и саму телесную область, «вписаны» в комплекс магических практик. Такой параллелизм позволяет прояснить мотивационные отношения как на лексическом уровне, так и на уровне культурной символики, поскольку в обоих «лексико-символических» гнездах есть темные участки. Эти слова будут рассмотрены в нашей следующей статье.

Источники и принятые сокращения

1. Аникин ЭСС — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аники. — Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. — 765 с.
2. АОС — *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Д. Гецово́й. — Москва : МГУ, 1980 — . — Вып. 1 —.
3. БМЭ — *Большая* медицинская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. Б. В. Петровский. — Москва : Советская энциклопедия, 1974—1989.
4. БТСДК — *Большой* толковый словарь донского казачества. — Москва : Русские словари : Астрель : Издательство АСТ, 2003. — 608 с.
5. *Ганцовская Н. С.* Костромские говоры : в 2 т. / Н. С. Ганцовская. — Кострома : Костромской государственной университет, 2018.
6. *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Н. С. Ганцовская. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — 650 с.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Санкт-Петербург; Москва : Издательство М. О. Вольфа, 1880—1882 (1989).
8. Деулино — *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. — Москва, 1969. — 612 с.
9. КСГРС — *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
10. *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1898. — 151 с.
11. ЛКТЭ — *Лексическая* картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
12. *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. / Н. М. Малеча. — Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2002—2003.

13. НОС — *Новгородский* областной словарь / подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 1435 с.
14. ООСБ — *Кошарная* С. А. Опыт областного словаря Белгородчины : дифференциально-сопоставительный словарь : 3 700 слов / С. А. Кошарная, А. С. Алейник, А. И. Медведева. — Белгород : Эпицентр, 2017. — 336 с.
15. РДЭС — *Мызников* С. А. Русский диалектный этимологический словарь: лексика контактных регионов / С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 1076 с.
16. РКОФСДВ — *Русский* календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока : песни, заговоры / сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. — Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. — 605 с.
17. СВГ — *Словарь* вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. — Вологда : ВГПИ/ВГПУ, 1983—2007.
18. СГРС — *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001. — Т. 1: А—Б. — 250 с.
19. СГРСБС — *Афанасьева-Медведева* Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / Г. В. Афанасьева-Медведева. — Санкт-Петербург : Наука, 2007—.
20. СД — *Славянские* древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012.
21. Селигер — *Селигер* : материалы по русской диалектологии : словарь / под ред. А. С. Герда. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003—2020. — Вып. 1—8.
22. СИГ — *Словарь* пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000.
23. СИППП — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокниенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург, 2001. — 178 с.
24. СРГК — *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994—2005. — Вып. 1—6.
25. СРГП — *Словарь* русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф. П. Филин. — Москва : Наука, 1983. — 340 с.
26. СРГСПермК — *Словарь* русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. — Пермь, 2011. — Вып. 1: А—В. — 363 с.
27. СРГСУ — *Словарь* русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск, 1964—1987.
28. СРГЦК — *Словарь* русских говоров центральных районов Красноярского края / под ред. О. В. Фельде (Борвальдт), С. П. Васильевой. — Красноярск, 2003—2010. — Т. 1—5.
29. СРГЮТО — *Словарь* русских старожильческих говоров юга Тюменской области : в 2 т. / под ред. С. М. Беляковой. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2014.
30. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва; Ленинград : Наука, 1965. — Вып. 1: А. — 302 с.
31. ССГ — *Словарь* смоленских говоров / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. — Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974—2005. — Вып. 1—11.

32. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва, 1986—1987.

33. ФСРГПриб — *Фразеологический* словарь русских говоров Прибайкалья / сост. С. С. Аксенова, Н. Г. Баканова, Н. А. Смолякова ; науч. ред. Н. Г. Баканова. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2006. — 295 с.

34. ЭССЯ — *Этимологический* словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. — Москва : Наука, 1974—. — Вып. 1—.

35. ЯОС — *Ярославский* областной словарь : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.

2. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Москва : Индрик, 2007. — 599 с.

3. *Виноградов Н. Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (по старинным рукописям и современным записям) / Н. Н. Виноградов // *Живая старина*. — 1908. — Вып. 2. — С. 5—89.

4. *Герасимов М. К.* Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии / М. К. Герасимов // *Живая старина*. — 1898. — Вып. 2. — С. 158—183.

5. *Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора (Новгородской губернии) / М. К. Герасимов // *Сборник Отделения русского языка и словесности*. — 1910. — Т. 87, № 3. — С. 1—111.

6. *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники : этнолингвистический аспект / В. Б. Колосова. — Москва : Индрик, 2009. — 350 с.

7. *Магницкий В. К.* Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии / В. К. Магницкий. — Вятка : Губернская типография, 1883. — 58 с.

8. *Минх А. Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии / А. Н. Минх // *Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии*. — 1890. — Т. 19, Вып. 2. — С. 1—152.

9. *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина : по материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1903. — 404 с.

10. *Усачева В. В.* Вербальная магия в аграрных обрядах славян / В. В. Усачева // *Славянский и балканский фольклор : семантика и прагматика текста*. — Москва : Индрик, 2006. — С. 280—318.

11. *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии / М. Г. Халанский // *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1904. — Т. 76, № 5. — С. 1—385.

MATERIAL RESOURCES

Anikin ESS — Anikin, A. E. (2000). *Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: borrowings from the Uralic, Altai and Paleo-Asian languages*. Moscow; Novosibirsk: Nauka. 765 p. (In Russ.).

- AOS — Getsova, O. D. (ed.). (1980 —). *Arkhangelsk Regional Dictionary, 1* —. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
- BME — Petrovsky, B. V. (ed.). (1974—1989). *Big Medical Encyclopedia, 30*. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
- BTSDK — *Big explanatory dictionary of the Don Cossacks*. (2003). Moscow: Russian dictionaries. 608 p. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1880—1882). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. St. Petersburg; Moscow: M. O. Wolf Publishing House. (In Russ.).
- Deulino — Ossovetzky, I. A. (ed.). (1969). *Dictionary of modern Russian folk dialect (village Deulino, Ryazan district, Ryazan region)*. Moscow, 1969. 612 p. (In Russ.).
- ESSYA — Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., Warbot, J. J. (eds.). (1974—). *Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund, 1—*. Moscow: Science. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian, 4*. Moscow. (In Russ.).
- FSRGPrib — Aksenova, S. S., Bakanova, N. G., Smolyakova, N. A. (eds.). (2006). *Phraseological dictionary of Russian dialects of the Baikal region*. Irkutsk: Irkutsk State University. 295 p. (In Russ.).
- Gantsovskaya, N. S. (2013). *Dictionary of dialects of the Kostroma Trans-Volga region: the interfluvium of Kostroma and Unzha*. St. Petersburg: Nauka. 650 p. (In Russ.).
- Gantsovskaya, N. S. (2018). *Kostroma dialects, 1—2*. Kostroma: Kostroma State University. (In Russ.).
- Gerd, A. S. (ed.). (2003—2020). *Seliger: materials on Russian dialectology: dictionary, 1—8*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).
- KSGRS — *Card file of the Dictionary of dialects of the Russian North* (Department of the Russian language, general linguistics and speech communication, Ural Federal University, Yekaterinburg). (In Russ.).
- Kulikovsky, G. I. (1898). *Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 151 p. (In Russ.).
- Lexical card file of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University* (Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University, Yekaterinburg). (In Russ.).
- Malecha, N. M. (2002—2003). *Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks, 4*. Orenburg: Orenburg Book Publishing House. (In Russ.).
- Myznikov, S. A. (2019). *Russian dialect etymological dictionary: vocabulary of contact regions*. St. Petersburg: Nestor-History. 1076 p. (In Russ.).
- NOS — Levichkin, A. N., Myznikov, S. A. (eds.). (2010). *Novgorod Regional Dictionary*. St. Petersburg: Nauka. 1435 p. (In Russ.).
- OOSB — Kosharnaya, S. A., Aleinik, A. S., Medvedeva, A. I. (2017). *Experience of the regional dictionary of the Belgorod region: differential-comparative dictionary: 3,700 words*. Belgorod: Epicenter. 336 p. (In Russ.).
- RKOFSDV — Bolonev, F. F., Melnikov, M. N., Leonova, N. V. (eds.). (1997). *Russian calendar-ritual folklore of Siberia and the Far East: songs, conspiracies*. Novosibirsk: Science. Sib. enterprise RAS. 605 p. (In Russ.).
- SD — Tolstoy, N. I. (ed.). (1995—2012). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, 5*. Moscow: International Relations. (In Russ.).

- SGRS — Matveev, A. K., Ruth, M. E. (eds.). (2001). *Dictionary of dialects of the Russian North, 1: A—B*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 250 p. (In Russ.).
- SGRSBS — Afanasyeva-Medvedeva, G. V. (2007—). *Dictionary of dialects of Russian old-timers of Baikal Siberia, 20*. St. Petersburg: Science. (In Russ.).
- SPG — Borisova, A. N., Prokosheva, K. N. (eds.). (2000). *Dictionary of Perm dialects*. Perm: Book World. (In Russ.).
- SPPP — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (eds.). (2001). *Dictionary of Pskov proverbs and sayings*. St. Petersburg. 178 p. (In Russ.).
- SRGK — Gerd, A. S. (1994—2005). *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions, 1—6*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).
- SRGP — Filin, F. P. (ed.). (1983). *Dictionary of Russian dialects of the Amur region*. Moscow: Nauka. 340 p. (In Russ.).
- SRGSPermK — Rusinov, I. I. (ed.). (2011). *Dictionary of Russian dialects of the north of the Perm Territory, 1: A—B*. Perm. 363 p. (In Russ.).
- SRGSU — Matveev, A. K. (ed.). (1964—1987). *Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals*. Sverdlovsk. (In Russ.).
- SRGTsK — Felde (Borvaldt), O. V., Vasilyeva, S. P. (eds.). (2003—2010). *Dictionary of Russian dialects of the central regions of the Krasnoyarsk Territory, 1—5*. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- SRGYUTO — Belyakova, S. M. (ed.). (2014). *Dictionary of Russian old-timers' dialects of the south of the Tyumen region, 2*. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P., Sorokoletova, F. P., Myznikova, S. A. (eds.). (1965). *Dictionary of Russian folk dialects, 1: A*. Moscow; Leningrad: Science. 302 p. (In Russ.).
- SSG — Boyarinova, L. Z., Ivanova, A. I. (eds.). (1974—2005). *Dictionary of Smolensk dialects, 1—II*. Smolensk: SGPI/SGPU. (In Russ.).
- SVG — Panikarovskaya, T. G. (1983—2007). *Dictionary of Vologda dialects, 12*. Vologda: VGPI/VGPU. (In Russ.).
- YaOS — Melnichenko, G. G. (1981—1991). *Yaroslavl Regional Dictionary, 10*. Yaroslavl: YaGPI im. K. D. Ushinsky. (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the world of man*. Moscow: Languages of Russian culture. 896 p. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2007). *Language and traditional culture: ethnolinguistic studies*. Moscow: Indrik. 599 p. (In Russ.).
- Gerasimov, M. K. (1898). Materials on folk medicine and obstetrics in the Cherepovets district of the Novgorod province. *Living antiquity, 2*: 158—183. (In Russ.).
- Gerasimov, M. K. (1910). Dictionary of the uyezd cherepovets dialect (Novgorod province). *Collection of the Department of Russian Language and Literature, 87/3*: 1—111. (In Russ.).
- Khalansky, M. G. (1904). Folk dialects of the Kursk province. In: *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 76/5*. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1—385. (In Russ.).

- Kolosova, V. B. (2009). *Lexicon and symbolism of Slavic folk botany: ethnolinguistic aspect*. Moscow: Indrik. 350 p. (In Russ.).
- Magnitsky, V. K. (1883). *Beliefs and rituals (zapuki) in the Urzhum district of the Vyatka province*. Vyatka: Provincial printing house. 58 p. (In Russ.).
- Minkh, A. N. (1890). Folk customs, rituals, superstitions and prejudices of the peasants of the Saratov province. *Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography, 19/2*: 1—152. (In Russ.).
- Popov, G. I. (1903). *Russian folk medicine: based on materials from the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev*. St. Petersburg: A. S. Suvorin's printing house. 404 p. (In Russ.).
- Usacheva, V. V. (2006). Verbal magic in the agrarian rites of the Slavs. In: *Slavic and Balkan folklore: semantics and pragmatics of the text*. Moscow: Indrik. 280—318. (In Russ.).
- Vinogradov, N. N. (1908). Conspiracies, amulets, salutary prayers, etc. (according to old manuscripts and modern records). *Living antiquity, 2*: 5—89. (In Russ.).